НОВОЕ О СТАТЬЕ БЕЛИНСКОГО «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ»

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ 1840-х ГОДОВ)

Статья А. Дубовикова

1

Одна из важнейших проблем, выдвинутых, особенно в последние годы, советской наукой о литературе,— это проблема установления и определения всемирно-исторического значения классической русской литературы. В разработке этой проблемы советская научная мысль имеет уже значительные достижения.

Беря за основу гениальные высказывания В. И. Ленина о мировом значении Л. Толстого («Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции»[1]), наша наука выводит мировое значение русской литературы не из тех или иных суждений зарубежных писателей и критиков о ней, а исходя из марксистско-ленинского понимания всемирно-исторического значения русского революционного процесса, приведшего к торжеству социалистической революции, к победоносному строительству коммунизма в нашей стране.

Этот единственно правильный путь исследования позволил исторически правильно уяснить мировое значение гениальных создателей русской реалистической литературы — Пушкина и Гоголя, Тургенева и Щедрина, Толстого и Чехова. Наряду с этим советская исследовательская мысль напряженно работает и над выяснением мирового значения литературно-критического наследства, оставленного вождями русской революционной демократии, выработавшими наиболее передовую в домарксовой литературе систему эстетических взглядов, блестяще развившими учение о реалистическом искусстве и его социальной роли.

Сказанное относится прежде всего к Белинскому. Автор одной из статей, посвященных этой теме, совершенно правильно говорит о необходимости «разработки вопроса о мировом значении русской критики, об объективном мировом смысле ее наследия, независимо от того, успели ли за рубежами нашей страны уяснить себе этот смысл» [2].

Это — главная задача. Но признание справедливости этого положения отнюдь не снимает вопроса о необходимости изучения фактов проникновения идей Белинского в зарубежную печать, исследования путей и способов их распространения среди читателей за пределами России. Традиционные представления о том, что идеи Белинского совсем не были знакомы Западной Европе, и о том, что самое имя его лишь очень поздно стало известно за рубежом, должны быть критически пересмотрены и отброшены как не соответствующие истине.

Достаточно привести для примера один факт, до сих пор не привлекавший внимания исследователей Белинского. В 1841 г. на страницах

издававшегося в Берлине журнала «Архив для научного изучения России» была напечатана статья Фарнгагена фон-Энзе «Новейшая русская литература»[3].

Эта статья критика, который с пристальным вниманием изучал русскую литературу и одним из первых в Западной Европе сумел оценить гений Пушкина, любопытна, в частности, тем, что автор ее защищает русскую литературу, возражая тем русским, которые в слепом преклонении перед чужеземной культурой пренебрежительно судили о современном состоянии отечественной литературы.

Протестуя против мнений о наступившем якобы в последнее время упадке русской литературы, сменившем короткий период ее расцвета при Пушкине, немецкий критик доказывает, что современное состояние русской литературы является блестящим. Он утверждает, что ранняя гибель Пушкина не дает права относить его творчество только к прошлому. Как всякий великий национальный гений, Пушкин надолго определил развитие литературы своего народа, его именем может быть названо целое столетие. Далее Фарнгаген фон-Энзе перечисляет длинный ряд имен замечательных русских писателей, кратко характеризуя каждого из них. Особенно выделяет он Крылова, Гоголя и Лермонтова.

В конце статьи он определяет значение русской критики, ставя на первое место Белинского и журнал «Отечественные записки»:

«Не менее благоприятно должны мы оценить и состояние критики, суждений о литературе в России. Разумеется, мы говорим только о высокой, ученой и прозорливой критике, какою она является под пером благородной и самостоятельной части русских писателей, о Белинском, Неверове, Каткове, о той критике, которая помещается в журналах, издаваемых в здравом и добросовестном духе. Мы назовем из таких журналов только два, ближе нам знакомые: „Отечественные записки“, редактируемые в Петербурге Краевским, и „Москвитянин“, издаваемый в Москве Погодиным. Оба эти журнала делают честь литературе и сильно способствуют ее дальнейшему развитию»[4].

Статья немецкого критика была тогда же, в 1841 г., приведена в «Отечественных записках» частью в переводе, частью в пересказе (см. в настоящем томе, стр. 153—154). Между тем очевидно, что это краткое указание на Белинского как лучшего русского критика основывалось не только на беседах Фарнгагена со своими русскими друзьями — Неверовым и Катковым, но и на непосредственном чтении статей Белинского.

Фарнгаген фон-Энзе владел русским языком и мог читать Белинского в подлиннике. В этом отношении он составлял редкое исключение среди иностранных писателей 1840-х годов. Но возникает вопрос: не было ли уже тогда переводов статей Белинского на немецкий или какой-нибудь другой иностранный язык, не были ли доступны зарубежному читателю хотя бы некоторые работы Белинского? Предпринятые нами разыскания приводят к положительному ответу на этот вопрос.

Значительность обнаруженных нами фактов, изложению которых и посвящена настоящая работа, особенно возрастает в связи с тем, что речь идет о статье, посвященной разбору романа Э. Сю «Парижские тайны». Статья эта является не только блестящим примером критического мастерства Белинского, но и свидетельствует о глубине и проницательности его аналитической мысли, позволившей ему оставить далеко позади западноевропейскую буржуазную критику, безмерно восторгавшуюся сенсационным романом Сю как новым словом в литературе. Значение этой статьи в наследии Белинского подчеркивается еще более тем, что в ней содержатся суровый приговор капиталистической действительности, гневное обличение торжествующей буржуазии и глубоко сочувственный анализ положения французского народа после июльской революции 1830 г.

2

В дневнике Герцена за 1844 г. в записи от 4 сентября находится следующая заметка: «A propos. В „Allgemeine Zeitung“ выписка из статьи Бел⟨инского⟩ о „Парижских тайнах“, и именно они напали на то, что меня остановило; у нас нельзя таким образом хвалить сытость (тем более, что и она апокрифна) и ругать революцию 30 года ... Опять impasse*, опять бросит он на себя подозрение в сервильности»[5].

Это высказывание Герцена уже было использовано в комментарии к статье Белинского о романе Э. Сю для характеристики не преодоленных еще Герценом «буржуазных иллюзий в социализме», что и вызвало его недовольство резкой оценкой Белинским французской революции 1830 г.[6] Однако до сих пор никем не была предпринята попытка использовать это указание Герцена для детального освещения вопроса о появлении выдержки из названной статьи Белинского в зарубежной печати 1840-х годов.

Обращение к комплекту аугсбургской «Allgemeine Zeitung» за 1844 г. позволило обнаружить ту корреспонденцию, которая обратила на себя внимание Герцена. В № 239 от 26 августа среди сообщений из Германии, под рубрикой «Саксония. Лейпциг, 21 августа»[7], было напечатано следующее:

«„Газета для элегантного мира“ поместила под заглавием „Эжен Сю в России“ переведенную с русского статью из выходящих в С.-Петербурге „Отечественных записок“. Это периодическое издание дает ежемесячно 26—28 больших листов убористой печати; оно расходится в количестве 3500 экземпляров. Доктор Роберт Липперт доставляет в этот журнал корреспонденции о немецкой литературе. Белинский[8]— имя критика, который в своих размышлениях о „Тайнах“ Сю раскрывает перед нами крайне своеобразное воззрение одного из русских на жизнь. У него очень много природного остроумия, но он использует его лишь для выражения полубюрлескного мнения (einer halbburlesken Auffassung) о состоянии мира. Для того чтобы объяснить французский нравоописательный роман, он излагает свою точку зрения на июльскую революцию в Париже. „Королевские ордонансы,— говорит он,— посягнули в 1830 году на французскую хартию; рабочий класс был искусно приведен буржуазией в возбуждение. Между народом и королевскими войсками завязалась борьба. В слепом и безумном самоотречении народ жертвовал собой и сражался за нарушение прав, которые ни в какой мере не способствовали его счастью и, следовательно, касались его так же мало, как и вопрос о состоянии здоровья тибетского Богдо-Ламы. Народ сражался отдельными отрядами, за баррикадами, без общего плана, без знамени, без предводителя, почти не зная против кого и совершенно не зная за кого и за что. Напрасно народ искал представителей нации, которые еще недавно заседали на абонированных скамьях палаты; этим представителям было не до того: бледные и трепещущие, они предпочитали разыскивать погреба, чтобы укрыться в безопасности. Когда безумной ревностью ослепленного народа дело было закончено, представители, эти фабриканты законов, выползли из своих убежищ и, ловко пробираясь по трупам к власти, всюду оттеснили честных людей; после того как другие вытащили для них жареные каштаны из огня, они преспокойно лакомились ими и рассуждали о нравственности. У доброго, честного короля была как бы во сне «украдена корона», как говорит Гамлет: человек, который тогда находил, что ему вполне подойдет корона его благодетеля и родственника, теперь так же красноречиво рассуждает о добродетели и морали“. Эти сетования о положении Франции русский

* Тупик.

заключает словами: „У н а с в России, где выражение «умереть с голода» употребляется только гиперболически, потому что в России не только трудолюбивому пролетарию, но и отъявленному лентяю и нищему невозможно погибнуть от голода, у нас многим покажется едва вероятным, что в Англии и Франции голодная смерть бедняков не только не невозможное, но даже не необыкновенное происшествие". Я не знаю, доказано ли этим, что в России горшки полны мяса, и если доказано, то вкусно ли оно приготовлено».

«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета»), издававшаяся в Аугсбурге, была основана еще в 1798 г. и в течение долгого времени, до 70-х годов XIX в. была немецкой газетой, наиболее распространенной не только в Германии, но и за границей[9]. Во «Всеобщей газете» широко освещалась политическая, культурная и экономическая жизнь различных стран. Наряду с корреспонденциями по Германии газета систематически печатала сообщения из Франции, Англии, Италии, Соединенных Штатов и т. д. вплоть до мелких придунайских княжеств или скандинавских стран. На страницах газеты часто встречаются также материалы под заголовком «Russland und Polen».

Наиболее обстоятельно газета освещала темы французской жизни, что было связано с давней ее франкофильской политической ориентацией, особенно сильно выраженной в годы наполеоновского господства над Европой. Преимущественный интерес к Франции газета сохранила и после 1837 г., когда ее редактирование перешло к публицисту Густаву-Эдуарду Кольбу, возглавлявшему газету до своей смерти в 1865 г.

Среди парижских корреспондентов «Всеобщей газеты» был одно время Г. Гейне, печатавший там в 1831—1832 гг. свои статьи под общим заголовком «Французские дела». По требованию венского правительства газета прекратила печатание статей Гейне, а когда в 1840 г. его сотрудничество во «Всеобщей газете» возобновилось, его новые статьи появлялись в сильно урезанном трусливо-либеральным редактором виде. Это имел в виду Гейне, когда писал в «Германии»:

Такую-то речь я теперь произнес,
Совсем не готовившись; эти
Слова, изувечив их, Кольб поместил
Потом во «Всеобщей газете»...
(гл. XII, перевод П. Вейнберга)

«Всеобщая газета» постоянно подчеркивала свою «независимость» от борьбы различных общественных групп и политических партий. В действительности же это был типичный орган либерально-буржуазных кругов, который не прочь был щегольнуть прогрессивностью своих взглядов, но вместе с тем с подобострастием писал о деятелях реакционно-монархического толка и с нескрываемой враждой относился ко всякому проявлению революционных или социалистических идей. В этом отношении характерны резкие выпады Аугсбургской газеты в 1842 г. против революционно-демократической «Рейнской газеты», которую тогда редактировал К. Маркс. В 1844 г. «Всеобщая газета» с нескрываемым злорадством писала об органе немецких революционеров-эмигрантов в Париже «Vorwärts», торжествующе оповещала своих читателей о разрыве между Марксом и Руге, о готовящемся памфлете Маркса против Бруно Бауэра («Святое семейство»).

К. Маркс на страницах «Рейнской газеты» вел полемику со «Всеобщей газетой», разоблачая ее филистерские взгляды, ее обывательские суждения о коммунизме. В статье «Коммунизм и Всеобщая аугсбургская газета» Маркс писал, что эта газета «не обладает ни собственным умом, ни собственными взглядами, ни собственной совестью»,

что она способна только на «салонную болтовню»[10]. Значительно позднее, в письме к В. Либкнехту от 17 сентября 1859 г., Маркс как бы подвел итог своему отношению к этой газете: «Что касается аугсбургской „Allgemeine

AUGSBURG. [illegible]

Allgemeine Zeitung.

Mit allerhöchsten Privilegien.

Montag | Nr. 239. | 26 August 1844.

Uebersicht.

Spanien. Der ministerielle Bericht über die Kirchengüter. Die Unterhandlungen mit Marocco.

Großbritannien. Der Prinz von Preußen. Tanger. Carl J.

Frankreich. Das Geschwader an der marocvanischen Küste. Erklärung des J. des Débats gegen die englische Presse. Die Polemik über Hrn. v. Montalembert. Die Colonie von Sayo.

Niederland.

Italien. Rom (Prinz von Oranien. Seitzhaffs. Die Eisenbahn von Termi).

Deutschland. München (Geburts- und Namensfest Sr. Maj. des Königs), aus Süddeutschland (das Pariser Vorbild und die deutsche Schriftgießerei von New-York), Ulm (der Bau erwartet), Darmstadt (Landwehrordnung), Mainz (Herbstmanöver), Königin von Württemberg, Graf Mainz-Ellmbachsen. Dortmund (Landwehrordnung), Leipzig (Gewerbe). Dresden (Ungarn Sur in Rußland), Hamburg (Schwedt), Köln (Antwerpen), Trier (das Fest), Berlin (die Wanderer. A. Herr. Prutz), von der Donau (Salzburg. Der Kunstverein). Badischer Landwirthschaftsverein. Kohlenwerke. Liederfest).

Ägypten. Alexandria, 21 Juli. Alexandrien. Die [illegible] Post.

Mexiko. Briefe aus Kleinasien. (1. Theil.) — Der [illegible] Kriegstag. (Die Zollverhältnisse.)

Darin der Gösent [illegible]

Spanien.

Madrid. Die Gründe welche die Königin zur Einstellung der Verkäufe der Kirchengüter bestimmt haben, sind in dem Berichte enthalten den der Finanzminister Ihrer Maj. vorgelegt hat, und die die Gazette vom 13 Aug. veröffentlicht. „Der Finanzminister", heißt es darin, „ist genöthigt unter den ernsten Obliegenheiten denen er [illegible] hat, besonders eine vor allen nächste zu nehmen, [illegible] sich auf die Erhaltung des ganzen Unterhalts und Erwerbes von der Religion unserer Väter im Umfang [illegible] namentlich auf den [illegible] und ehrenvollen Unterhalt der Diener des Cultus. Bei den Mitteln durch welche man dieses gegenwärtig zu bewirken wollen, [illegible] sich noch größer gestalten als man vorausgesagt hatte. So [illegible] die Sicherheit der Minister Ihrer Maj. die „Steuer für den Cultus und Kirche" an einigen Orten unerheblich ausgefallen, in andern hat ihre Entrichtung Widerstand gefunden und in den meisten waren die Lagen des Klerus die Verlegenheiten des Schatzes vermehrt und das Herz Ihrer Maj. betrübt. Es ist Zeit ein Mittel gegen diese Uebelstände zu suchen, und da eines der wirksamsten Mittel unmittelbare Zurückgabe der Güter ist welche Eigenthum des Klerus waren und noch nicht veräußert sind, so wird die Einstellung der Verkäufe derselben unumgänglich nothwendig bis daß man mit reifer Ueberlegung ein Mittel finden kann alle Interessen zu vereinigen. Zwei Schwierigkeiten erheben sich nun [illegible] die Regierung in den Bekenntnissen der [illegible] Güter Nutzen zu ziehen, und den Staatsgläubigern durch Vermehrung des [illegible] Unterpfand zu thun. Aber die Regierung Ihr. Maj. ist [illegible] als in allen Punkten unverletzlich die [illegible] Eigenthumsrechte auf Kirchengüter zu schützen. Ebenso wenig darf auf die Einstellung des Verkaufs irgend ein Nachtheil für die Staatsgläubiger erwachsen, denn obwohl ihre Hypothek durch diese Maßregel nicht annullirt wird, so ist es doch eine schon temporäre Nachtheil daß die Speculationsobjekten die Zahlung der Staatsschulden nicht [illegible] und daß ihre mehre Sicherheit nur in einer guten [illegible] Verwaltung besteht. Unser Staat bietet für diesen Satz ein [illegible] Beispiel, da die beste und größte Hypothek [illegible] ist [illegible] jemals hat [illegible] fortwährend [illegible] den [illegible] Credit aus seiner Gesundheit zu [illegible]. Die vorgeschlagene Maßregel wird aber noch andere Früchte tragen; sie wird [illegible] und Frauen [illegible] und aus einander zu halten welche [illegible] Verbindung mit einander haben können, sie wird endlich den Augenblick näher bringen, wo die Kirche Spaniens zum Normalstande ihrer [illegible] Verhältnisse zurückkehrt — ohne Nachtheil für die [illegible] Rechte Ihrer Maj. und des Priesterstandes. Aber, Señora, bei der Einstellung des Verkaufs der Güter des Weltgeistlichen, fordert ein Gebot des Mitleids und der Gerechtigkeit dieselbe Maßregel für die Güter der religiösen Gemeinschaften die noch nicht verkauft sind, wenigstens so lange man nicht [illegible] Pensionen [illegible] zurückkehrt. Die Regierung hat [illegible] die jetzt nicht zahlen können [illegible] sollte, und die öffentliche Wohlthätigkeit hat [illegible] durch Mittel zu helfen [illegible] gerecht und [illegible] sind, doch einen gewissen Tadel [illegible] die Regierung enthalten, eine fortdauernde Anklage gegen die Maßregeln und Decrete derselben. Nach allem dem hat der Unterzeichnete in Uebereinstimmung mit Ihrem Ministerrath Euer Maj. das folgende Decret vorzulegen die Ehre. Madrid, 15 Juli. Alexandro Oliv."

Die spanische Correspondenz aus Madrid vom 13 Aug. [illegible] die Arbeit des Herzogs von Glücksberg nach Cadiz, so wie die Colonie des türkischen Gesandten Fuad Effendi in dieser Hauptstadt. General Narvaez wurde in nächsten Tagen erwartet, und man glaubte daß dann das Cabinet über die Antwort des Kaisers von Marocco auf das spanische Ultimatum in Berathung treten werde. In dem Ultimatum waren sieben Bedingungen gestellt, und man sind davon Rat bei [illegible] nämlich die Neutralität eines Gebietstheils, die Entschädigung der spanischen Schiffahrt und eine unbedeutende Contribution. Unter den niedern Classen von Madrid sah es fortwährend [illegible] Kämpfen, Mord und Todtschlag. Die Carlisten [illegible] Anhänger und unter einem Hochruf auf Karl V. verbreiten sie [illegible]. Auch wegen dieser einzelnen Umtriebe [illegible] Wunsch nach Rückkehr der Regierung allgemein, denn wenn [illegible] nicht [illegible] Maßregeln ergriff, müßte man auf die schlimmsten Auftritte gefaßt sein.

Großbritannien.

London, 10 Aug.

Das Gerücht erneuert sich daß [illegible] Victoria und Prinz Albert einen Besuch [illegible] nach Irland [illegible] in den jetzigen [illegible] Verhältnissen nur wenig Glauben. O'Connell und die Repealsache sind übrigens vor den Verwickelungen der auswärtigen Politik sehr in den Hintergrund getreten. Die Times erzählt aus einem liberalen irischen Blatte, daß Curt Examiner, eine Verbindung Edelle mit O'Connell, der [illegible] erzählt. „Der arme kleine Schelm" heißt es da, „mit all seinem Talent und all den reichen Verheißungen seiner Jugend und seiner

АУГСБУРГСКАЯ «ВСЕОБЩАЯ ГАЗЕТА» (№ 239 ОТ 26 АВГУСТА 1844 г.). ЗДЕСЬ, В КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЛЕЙПЦИГА, БЫЛ НАПЕЧАТАН ПЕРЕВОД ОТРЫВКА ИЗ СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О РОМАНЕ ЭЖЕНА СЮ «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ»

В оглавлении номера (левый столбец, 16 строка сверху) эта корреспонденция указана под названием: «Эжен Сю в России»

Zeitung", то между мной и ей всегда были и есть и по сей день определенно в р а ж д е б н ы е отношения»[11].

Под углом зрения такой характеристики «Всеобщей газеты» следует рассматривать и ее отношение к России и русской жизни. Наряду с корреспонденцией о статье Белинского в просмотренном нами комплекте

газеты за 1844 г. попадаются изредка и другие заметки о культурной и литературной жизни России: статистические справки о периодических изданиях в России, о количестве гимназий и университетов в ней, сообщение о выходе в свет сочинений Пушкина, Жуковского и Бестужева-Марлинского, краткая заметка о смерти Крылова и некоторые другие. Гораздо чаще и систематичнее помещала газета сообщения иного рода: здесь и хроника русской придворной жизни, и слухи о перемещениях в составе высших чиновников, сообщения о притеснениях поляков и католической церкви в западных губерниях и подробные корреспонденции о ходе военных действий на Кавказе.

Подобострастно-почтительные извещения об очередной поездке кого-либо из членов царской семьи за границу чередовались во «Всеобщей газете» с критической оценкой самодержавно-полицейского режима царской России (например, в статьях о петербургских тюрьмах, о новых арестах поляков в западных губерниях или о бунте крепостных, убивших своего помещика и приговоренных к прогнанию сквозь строй с последующей отправкой на каторжные работы в Сибирь).

Именно поэтому во многих номерах «Всеобщей газеты», попадавших в Россию, значительная часть заметок на русские темы оказывается вырезанной цензурой.

В одной из наиболее серьезных и добросовестных статей по поводу России автор, Александр Гумбольдт (скрывшийся под инициалами A. v. H.), очень верно характеризует повышенный интерес к русским делам, проявлявшийся в тогдашней европейской печати, как выражение ложного и заведомо тенденциозного представления о нависшей над Европой угрозе со стороны «северного колосса», «северных варваров». Автор призывает к беспристрастному, серьезному и глубокому изучению России как одного из влиятельнейших членов европейской семьи народов, указывая, что всякое изменение в социальном и политическом положении России должно будет оказать сильное влияние на все европейские страны [12].

Если эта статья свидетельствовала о попытке трезвого и беспристрастного ознакомления читателей с вопросом о положении крепостных в России, то в большинстве других материалов газеты на русские темы, несомненно, отражалась та враждебная в отношении «северных варваров» тенденция, против которой возражал А. Гумбольдт. Эта тенденция явно звучит и в ироническом комментарии газеты к приведенным ею высказываниям Белинского об июльской революции во Франции и о положении пролетариата под гнетом капиталистической эксплоатации.

Сравнение выдержки, напечатанной во «Всеобщей газете», с текстом перевода статьи Белинского о «Парижских тайнах», помещенного в лейпцигской «Газете для элегантного мира» (о ней ниже), показывает, что даже та часть статьи, которая заинтересовала редакцию «Всеобщей газеты» (высказывания русского критика об июльской революции во Франции), воспроизведена была на ее страницах далеко не полностью. Газета выпустила гневно-обличительные тирады Белинского о положении народа «после июльских происшествий», о господстве торжествующего мещанства, о мнимом равенстве перед законом французского пролетария и богатого собственника, капиталиста. «Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник, с этой платы, берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство! ⟨...⟩ Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода» (VIII, 471).

Именно эта суровая и правдивая характеристика циничной и наглой эксплоатации пролетариата в капиталистических странах и дала основание Белинскому для сопоставления участи «бедного пролетария» во Франции и Англии с положением бедняков в России. Исключив эту характеристику, редакция «Всеобщей газеты» сняла основную аргументацию Белинского, лишила его выводы необходимой обоснованности.

В результате этого облегчена была задача иронической оценки смелых суждений русского критика, оценки, которая выразилась в заключительной фразе, принадлежавшей редакции газеты и давшей Герцену полное основание истолковать корреспонденцию, прочитанную им, как нападение на Белинского. Не будет преувеличением сказать, что, помещая корреспонденцию о статье Белинского, редакция «Всеобщей газеты» преследовала не столько информационные, сколько полемические цели.

В редакционном комментарии к критическим суждениям Белинского о предательской роли буржуазии в отношении народа явственно звучит голос оскорбленного в своем достоинстве «цивилизованного» буржуа, которому далекий критик из «варварской» России осмелился указать на позорные и бесчеловечные черты буржуазной действительности. При этом редакция «Всеобщей газеты» в ее высокомерно-презрительной оценке Белинского как критика обнаружила свое полное невежество. Только этим можно объяснить более чем странный эпитет «полубюрлескный», которым анонимный корреспондент газеты определил «своеобразное воззрение» русского критика на жизнь.

Разумеется, значение корреспонденции во «Всеобщей газете» определяется не содержанием комментария к опубликованному тексту Белинского, а прежде всего самим фактом появления хотя бы и краткой выдержки из столь значительной статьи русского критика в одном из наиболее распространенных органов зарубежной печати 1840-х годов. Этот факт приобретает для нас особый интерес в связи с еще одним обстоятельством.

В литературе о Белинском давно уже было отмечено сходство между его статьей о романе Сю и критическим анализом этого романа в работе Маркса и Энгельса «Святое семейство» (1845). Статья Белинского о «Парижских тайнах» осталась, повидимому, неизвестной Марксу, но обследованный нами материал позволяет поставить вопрос, не был ли прочитан Марксом тот отрывок из Белинского, который был опубликован во «Всеобщей газете». Никаких документальных свидетельств, которые могли бы неопровержимо подтвердить это предположение, в нашем распоряжении нет. Но тем не менее это предположение не лишено известной степени вероятности. Приведенные выше при общей характеристике «Всеобщей газеты» факты показывают, что она, начиная с 1842 г., находилась в поле зрения Маркса, который и позднее неоднократно высказывался о ней (особенно часто в переписке 1859 г.). Внимательно следил за этой газетой также и Энгельс. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо от 16 сентября 1846 г., адресованное Брюссельскому коммунистическому комитету сношений, в котором он сообщает о корреспонденции в номере «Всеобщей газеты» от 21 июля 1846 г., разоблачающей небезизвестного Я. Толстого как шпиона русского правительства [13].

Рассматривая «Всеобщую газету» как орган своих политических противников, Маркс должен был постоянно следить за ней, и уж, конечно, от его внимания не ускользали сообщения по Германии, среди которых была напечатана и выдержка из статьи Белинского. Если эта выдержка была действительно прочитана Марксом, то он мог увидеть в ней выражение зреющей революционно-демократической мысли в России, которая позднее, во времена Чернышевского и Добролюбова, привлекала такой живой и глубокий интерес со стороны великих основоположников научного социализма.

3

Редакция «Всеобщей газеты», как явствует из текста помещенного ею сообщения, заимствовала его из другого немецкого издания — лейпцигской «Zeitung für die elegante Welt» («Газета для элегантного мира»). Обращение к этой газете, комплекты которой нам удалось разыскать в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, позволило обнаружить интересующую нас статью «Eugen Sue in Russland» («Эжен Сю в России»), напечатанную в № 32 от 7 августа 1844 г. (на стр. 497—506).

На десяти страницах обычного журнального формата (in 8°) дан почти полный перевод статьи Белинского о «Парижских тайнах», которому предпослана характеристика «Отечественных записок» и Белинского как критика. В подстрочном примечании редакция указала, в чем, по ее мнению, заключается интерес статьи русского критика о нашумевшем романе Э. Сю, обратив при этом особое внимание читателей на данную Белинским оценку июльской революции:

«То, что может быть сказано в России об исторических событиях, как это сказано и какими выводами сопровождается,— все это представляет пикантный интерес, если оно является перед нами в неприкрытом виде. Поэтому мы помещаем следующие выдержки и обращаем внимание наших читателей особенно на описание июльской революции и на возмущение русского судьбой бедных французов» [14].

Для полноты освещения всех вопросов, связанных со статьей, помещенной в «Элегантной газете», как ее сокращенно называли в кругу ближайших сотрудников, необходимо остановиться на характеристике этого гораздо менее влиятельного и менее распространенного по сравнению со «Всеобщей газетой» издания.

«Газета для элегантного мира» была основана в 1801 г. в Лейпциге Карлом Шпацйром как литературно-художественное издание, ставившее себя «вне борьбы мнений» и не допускавшее никакой полемики на своих страницах. Возбудив некоторый интерес при появлении, газета очень быстро измельчала и не сумела создать себе авторитета в литературном мире. Такое жалкое существование она влачила до 1833 г., когда наступил короткий период ее расцвета, связанного с редакторством молодого писателя Генриха Лаубе, в дальнейшем ставшего известным драматургом, поэтом и критиком.

В это время Лаубе с юношеским пылом увлекался идеями республиканизма и сенсимонизма, понятыми им наивно и поверхностно. Приняв на себя руководство «Элегантной газетой», Лаубе превратил ее в орган «Молодой Германии», литературной группы мелкобуржуазных романтиков, в деятельности которых отразился революционный подъем 1830 г. На некоторое время «Молодая Германия» выдвинулась на первый план немецкой литературной жизни и была предметом оживленного обсуждения на страницах как германской печати, так и печати других стран [15].

Исчерпывающую характеристику «Молодой Германии» дали Маркс и Энгельс в 1851 г. в своей работе «Революция и контрреволюция в Германии»: «Наивный конституционализм или еще более наивный республиканизм проповедывались почти всеми писателями того времени ⟨...⟩ Стихотворения, повести, рецензии, драмы, всякие литературные произведения были преисполнены так называемой „тенденции“, т. е. более или менее робких выражений противоправительственного духа. В довершение путаницы понятий, царившей после 1830 г. в Германии, к этим элементам политической оппозиции примешивались плохо переваренные университетские воспоминания немецкой философии и непонятые крохи французского социализма, особенно сенсимонизма. И клика писателей, преподносивших публике эту мешанину, кичливо называла себя „Молодой Германией“

или „Новой школой". Позднее они раскаялись в своих юношеских грехах, но манера их писания не улучшилась от этого» [16].

Лаубе в позднее написанных «Воспоминаниях» сам рассказывал о наивности своего увлечения сенсимонизмом, в котором он видел религию нового времени, о крайней нечеткости и неясности своих тогдашних романтических порывов. По справедливому замечанию Энгельса, из членов «Молодой Германии» Лаубе «меньше всех» знал, чего он хотел [17].

Тем не менее при всей неопределенности и смутности понятий, характерных для нового редактора газеты, избранное им направление принесло газете крупный успех. Широкий интерес возбудили печатавшиеся на ее страницах «Современные письма» («Moderne Briefe») Лаубе, которые навлекли на него преследования со стороны прусского правительства, обнаружившего в этих «Письмах» крайнюю вольность мнений, защиту июльской революции, прославление Гейне и Берне, утверждение, что демократизм составляет основную идею христианского учения [18].

В результате этих обвинений Лаубе в июле 1834 г. был арестован и заключен в берлинскую тюрьму. При его преемниках, особенно при Кюне, который стал редактором в 1835 г., «Элегантная газета» стала бесцветной и худосочной, авторитет, ею завоеванный, был быстро утрачен. Из боевого органа мелкобуржуазных романтиков она превратилась в чисто развлекательное, салонное издание, рассчитанное на вкусы «избранного» общества.

В 1843 г. в газету вновь пришел в качестве редактора Лаубе, попытавшийся вдохнуть в нее новую жизнь. Но сам он к этому времени уже остыл и смирился, от былого юношеского энтузиазма не осталось и следа. Это о нем (и о Гуцкове) писал значительно позднее Энгельс, характеризуя их политическое ренегатство, называя их людьми «еще задолго до 1848 г. похоронившими остатки своего политического достоинства, если оно у них вообще когда-либо было» [19].

На этот раз Лаубе решительно воздерживался от обсуждения политических проблем, ограничил свой журнал сферой «изящной литературы в точнейшем смысле этого слова», с увлечением пропагандировал немецкий национальный костюм, подвергал критике всеобщее увлечение французскими модами. Неудовлетворенный результатами своей деятельности, он в конце 1844 г. прощается с читателями, чтобы целиком отдаться театру и драматургии. После этого «Газета для элегантного мира» утратила всякое значение и превратилась в ничтожное издание, не игравшее никакой роли в культурной жизни Германии.

Из сказанного понятно, почему редакционное примечание к статье Белинского, несмотря на легкий оттенок иронии, было написано в значительно более сдержанном и объективном тоне, чем уже известный нам комментарий во «Всеобщей газете». Не отличаясь по существу в своих политических взглядах от Кольба (в газете которого Лаубе охотно печатал в дальнейшем свои критические статьи), Лаубе, тем не менее, обнаружил серьезный интерес к высказываниям русского критика, глубину и значительность которых он не мог не почувствовать, тем более что суровая оценка Белинским положения во Франции после 1830 г. не могла не напомнить редактору газеты его собственные юношеские увлечения, связанные с июльской революцией.

Перевод полного текста статьи Белинского о «Парижских тайнах» и сопровождающее его введение, содержащее характеристику «Отечественных записок» и Белинского как ведущего критика этого журнала, были доставлены в «Элегантную газету» Робертом Липпертом. Имя его, не названное здесь, было указано, как мы видели, во «Всеобщей газете».

Р. Липперт был известен как один из переводчиков русских поэтов на немецкий язык. В 1840 г. он издал сборник переведенных им произведений Пушкина («Puschkin's Dichtungen von R. Lippert», 2 тома, 1840 г.),

в который вошли южные поэмы, «Полтава», «Сказка о царе Салтане», отрывки из «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», «Каменный гость» и ряд образцов пушкинской лирики.

Переводы Липперта вызвали сочувственные отклики в немецкой печати; имя его назвал в числе авторов отличных переводов Пушкина Фарнгаген фон-Энзе в статье о Пушкине, напечатанной в 1838 г. в «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik».

Перевод этой статьи, выполненный Катковым, появился в «Отечественных записках» 1839 г. в виде приложения к пятой книжке журнала. Упоминает о переводах Липперта и В. Вольфзон в своей книге «Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen», вышедшей в Лейпциге в 1843 г.

«Отечественные записки» имели полное основание писать в 1841 г.: «В Германии радостно приветствовали великий поэтический талант русского певца, и перевод г. Липперта принят со всеобщею похвалою. Все журналы отозвались о нем благосклонно. Первое издание разошлось уже все в продолжении года; теперь приготовляется второе» [20].

Незадолго до этого «Отечественные записки» извещали своих читателей о приезде Липперта в Петербург, весьма лестно отзывались о его переводах из Пушкина и о новых успехах Липперта в ознакомлении немецких читателей с русской литературой.

«Германский литератор г. Липперт,—писали «Отечественные записки»,— который так успешно перевел на немецкий язык некоторые сочинения Пушкина, что немцы могут читать теперь, как по-русски, лучшие сцены „Бориса Годунова“, лучшие места „Онегина“, почти непереводимые ни на какой язык,— этот г. Липперт теперь в Петербурге и с каждым днем более и более знакомится с русскою литературою. Способность его переводить удивительна! Он передает подлинник почти слово в слово и нисколько не лишает его поэзии, сохраняя притом все особенности его, всю характеристику. Г. Липперт сверх того одарен в высшей степени поэтическим тактом и потому чрезвычайно верно выбирает в нашей литературе лучшие ее произведения, намереваясь знакомить соотечественников своих не с пустоцветом, как делали некоторые прежде, но с роскошнейшими и благоуханнейшими ее цветами. Так, теперь, будучи в Петербурге, он прочел „Казачью колыбельную песню“ и „Дары Терека“ Лермонтова, и посмотрите, как мастерски перевел их.

⟨Приводится текст переводов.⟩

Вот истинный переводчик, которого давно ожидала русская литература, чтоб быть представленною Европе. Пожелаем, чтоб г. Липперт не ослабевал в деятельности и в любви своей к русской поэзии и чтоб, не слушая никаких внушений, руководствовался в выборе пьес для перевода своим верным, художественным тактом» [21].

Названные в заметке переводы стихотворений Лермонтова вместе с другими («Когда волнуется желтеющая нива» и стихотворением Подолинского «Могила солдата») появились в 1842 г. на страницах «Газеты для элегантного мира» [22]. Очевидно, связи Липперта с этой газетой были прочными и длительными.

Повидимому, пребывание Липперта в Петербурге было использовано Краевским для привлечения немецкого гостя в число сотрудников «Отечественных записок». В последних книжках журнала за 1841 г. (№№ 11 и 12) была напечатана большая статья Липперта «Греция в нынешнем своем состоянии».

На протяжении всего 1842 г. Липперт деятельно сотрудничает в петербургском журнале. В первых номерах «Отечественных записок» (1—5) печатается его большая статья о Гете; из книжки в книжку отдел «Иностранная литература», который до того заполнялся статьями Каткова, Неверова

и других русских критиков, теперь почти исключительно обслуживается Липпертом; за его подписью печатаются обзоры не только германской, но и французской, и английской, и даже итальянской литературы.

Любопытно, что в одной из этих статей, в обзоре современного состояния периодической печати в Западной Европе и Америке, Липперт, говоря о немецких литературных журналах, в числе лучших на первом месте называет «Газету для элегантного мира» [23].

С конца 1842 г. (№№ 11 и 12) и в 1843—1844 гг. обзоры иностранных литератур печатаются анонимно, и кто был автором их, до сих пор точно неизвестно. Имя Липперта исчезает со страниц журнала. Причину этого надо видеть в том, что статьи Липперта были лишены оригинальности, глубины мысли и резкой определенности суждений. Все это вызывало недовольство в кругу сотрудников и друзей журнала, о чем свидетельствует письмо В. П. Боткина к А. А. Краевскому, посланное из Москвы 29 декабря 1842 г.: «Отчетами Липперта все недовольны, след⟨овательно⟩ надо как-нибудь иначе взяться за дело; а как взяться, ума не приложу» [24].

К сказанному нужно добавить, что не только обзоры Липперта, но и он сам возбуждал неприязненное чувство со стороны близких к журналу людей. По мнению Герцена, жившего в 1841 г. в Петербурге и, следовательно, встречавшего там Липперта, немецкий гость принадлежал к числу литературных дельцов и был в этом отношении едва ли не хуже Краевского: «Краевский дурно платит Белинскому и вообще немного schmutzig. Липперт, переводивший Пушкина (о traduttori-traditori!) noch schmutziger» [25].

Это сопоставление двух имен, повидимому, не было лишено основания. И после прекращения сотрудничества Липперта в «Отечественных записках» Краевский поддерживал с ним связь в течение многих лет. Любопытно, что в 1857 г. в Лондоне Краевский явился с визитом к Герцену в сопровождении Липперта, но Герцен отказался их принять, не желая встречаться с Липпертом. Об этом он писал на следующий день Краевскому [26].

4

Несомненно, что статья Белинского была получена Липпертом непосредственно из редакции «Отечественных записок». Учитывая острый интерес, возбужденный во всей Европе нашумевшим романом Э. Сю, он перевел статью для лейпцигской газеты полностью и сопроводил ее обстоятельной характеристикой русского журнала, его издателя Краевского и оценкой Белинского как критика. В своих суждениях об «Отечественных записках» Липперт, очевидно, основывался на информации, полученной им из первых рук, вернее всего от самого Краевского. Об этом свидетельствуют фактическая точность и обстоятельность излагаемых им данных и тот несколько рекламный тон, который явственно обнаруживается в этой характеристике:

«Мы заимствуем нижеследующую статью из апрельской книги «Отечественных записок», бесспорно самого содержательного и самого интересного из русских журналов и вместе с тем почти единственного, который дает подписчикам то, что он обещает в своей программе. Благодаря этому последнему обстоятельству он, несмотря на постоянное враждебное отношение со стороны других журналов и газет, все больше расширяет круг своих читателей и расходится в количестве почти 3500 экз. Издателю Краевскому, о писательских успехах которого у нас менее известно, чем это нам хотелось бы, нельзя отказать в заслугах как редактору (он редактирует еще еженедельную иллюстрированную «Литературную газету» и официальную политико-административную газету «Русский инвалид»). Названный журнал выходит первого числа каждого месяца, в размере 26—28 больших листов убористой печати, с модными картинками и художественными

приложениями, по беспримерно дешевой цене в 15 руб. серебром (около 16 саксонских талеров); и однако издатель, при упомянутом выше числе подписчиков, несмотря на значительную стоимость печатных работ и бумаги и довольно высокие гонорары (наиболее известные и популярные писатели получают обычно 200 рублей за печатный лист), может наверняка рассчитывать на чистый доход в 25 000 рублей серебром (около 26 000 талеров). В немецких условиях это — неслыханная цифра для ежемесячного литературного журнала» [27].

Далее автор введения переходит к характеристике критики «Отечественных записок», которую он признает «в высшей степени своеобразной и остроумной», хотя и оговаривается тут же с высокомерной самонадеянностью, что она «не стоит на уровне научных и философских воззрений, которых она достигла в остальной Европе». Буржуазная ограниченность и тупая самоуверенность звучат как в этом замечании, так и в последующих фразах, говорящих уже непосредственно о Белинском. Автор пытается сохранить в характеристике Белинского позу объективности, он называет его критиком «полным энергии и оригинальности», но по существу повторяет те враждебные, клеветнические толки о Белинском, которые были распространены в реакционных литературных и журналистских кругах Петербурга и Москвы. По его словам, Белинский «является самоучкой», ему «недостает основательного научного образования, а именно самостоятельного знания европейских литератур». Несостоятельность этого последнего положения очевидна: автор, повидимому знакомый с большинством крупных критических статей Белинского, не мог не знать тех глубоко-оригинальных и проницательных суждений о различных западноевропейских писателях, которыми изобилуют статьи русского критика. Но он не хотел их замечать, как не захотел обратить внимание на те меткие и острые характеристики Э. Сю, В. Гюго, Ж. Санд, Ч. Диккенса, Ж. Жанена и других, которые содержались в переведенной им статье о «Парижских тайнах». Грубая тенденциозность и намеренная предубежденность разбираемой нами характеристики Белинского очевидны. В этой характеристике можно найти также утверждения, которые были распространены не только среди врагов Белинского, но и в кругах его либеральных «друзей» из западнического лагеря. Таково, например, замечание, что критик «не знает ни одного языка, кроме своего родного».

Отказывая Белинскому в глубоком знании и понимании европейских литератур, автор характеристики готов снисходительно признать его заслуги в области истолкования русской литературы: «Зато он оказывается вполне в своей области, когда он судит о русской литературе: в ряде статей, в которых он без всякого пиетета ниспровергает старые авторитеты, он обнаруживает наибольшую меткость и оригинальность, какую только высказывала русская критика о русской литературе» [28].

Для советского читателя и исследователя представляет интерес не эта характеристика Белинского, несостоятельность и тенденциозность которой для нас очевидна, а самый факт появления перевода крупной статьи Белинского в зарубежной печати 1840-х годов и особенно те любопытные данные, которые обнаруживаются при сличении этого перевода с известным нам до сих пор русским текстом статьи о «Парижских тайнах».

Статья эта была напечатана в «Zeitung für die elegante Welt» с некоторыми сокращениями. Полностью была опущена приводимая Белинским цитата из романа Сю — разговор Пик-Винегра с его сестрой Анной в тюрьме (VIII, 474—477). Вся обширная характеристика героев романа и разбор его содержания были даны в кратком изложении. Вот полный текст этого пересказа:

«Затем критик в подробном изложении разъясняет все характеры романа, а именно отмечает доходящее до смешного донкихотство

Zeitung für die elegante Welt.

7. August **№ 32.** 1844.

Uebersicht: Eugen Sue in Rußland. — Etwas über das französische Theater in Berlin. — Aufforderung an die deutschen Bühnendichter. — Nachrichten.

Eugen Sue in Rußland.*)

Wir entlehnen nachfolgenden Aufsatz dem Aprilheft der „Vaterländischen Denkwürdigkeiten", unbestritten der stoffreichsten und interessantesten, zugleich auch der beinahe einzigen Zeitschrift in Rußland, die ihren Abnehmern das hält, was sie in ihrem Programm verspricht. Dem letztern Umstande hat sie es wohl auch wesentlich zu danken, daß sie trotz wiederholter Anfeindungen von Seiten der übrigen Journale und Zeitungen dennoch ihren Leserkreis immer mehr erweitert und sich eines Absatzes von beinahe 3500 Exemplaren zu erfreuen hat. Dem Herausgeber Krajewski, von dessen schriftstellerischen Leistungen uns weniger bekannt ist, darf eine nicht gewöhnliche Gewandheit, ein gewisser Instinkt, wie wir es nennen möchten, als Redakteur nicht abgesprochen werden (er redigirt außerdem noch eine Wochenblatt „die literarische (illustrirte) Zeitung" und ein offiziell politisch-administratives Tagblatt „den russischen Invaliden"). Das genannte Journal erscheint am 1. jedes Monats, 26—28 engagedruckte Großoktavbogen stark, mit Modekupfern und Kunstbeilagen zu dem beispiellos billigen Preise von 15 Rubel Silber (etwa 16 Thlr. sächs.) und dennoch kann bei der vorerwähnten Abonnentenzahl, die bedeutenden Druck- und Papierkosten und ziemlich hohen Honorare (die bekanntern und beliebten Schriftsteller erhalten gewöhnlich 200 Rubel Banco per Druckbogen) abgerechnet, der Herausgeber auf einen Reinertrag von 25000 Silberrubeln (circa 20000 Thaler) mit Bestimmtheit rechnen, eine

*) Was in Rußland gesagt werden darf über historische Ereignisse, wie es gesagt wird, und zu welchen Folgerungen es führen muß, das hat doch ein pikantes Interesse, wenn es in ungefärbter Gestalt vor uns erscheinen kann. Deshalb theilen wir folgende Auszüge mit, und wir lenken die Aufmerksamkeit unsrer Leser besonders auf die Schilderung der Julirevolution und auf die Entrüstung des Russen über das Schicksal der armen Franzosen. D. R.

in Rußland, wo der Ausdruck „vor Hunger sterben" nur hyperbolisch gebraucht wird, weil in Rußland nicht nur der fleißige Proletarier, sondern der ausgemachte Faullenzer und Bettler sich nie in der Möglichkeit befindet, sein Leben nicht mehr fristen zu können, bei uns wird es Vielen kaum glaublich erscheinen, daß in England und Frankreich der Hungertod des Armen nicht allein kein unmögliches sondern auch gar kein ungewöhnliches Ereigniß ist.

Dies war die Veranlassung, uns ausführlicher über diesen Gegenstand auszulassen, da derselbe mit der Haltung der „Pariser Geheimnisse" in so engem Zusammenhang steht. Die Armuth in Paris ist grenzenlos und übersteigt selbst die ausschweifendste Phantasie des Dichters! Betrachten wir jetzt eine andre Seite des Bildes: Der Mann des Besitzes ist vom bösen Geiste der Gewinnsucht besessen. Sein Leben ist ein ununterbrochnes Hazardspiel, der fortwährende Ruf: *va banque!* Die Agiotage, die Opposition der Kammer, die Bestechung der Wähler, das Patronat der ephemeren Macht, von der die Vergebung einträglicher Aemter abhängt — dies ist der grüne Tisch, wo er sein Vermögen einsetzt. Ein nicht zu stillender Durst nach Besitz, ein unersättlicher Wolfshunger nach Gold machen das einzige Pathos im Leben der Reichen aus, die immer reicher werden wollen, die sogenannten Kapazitäten (Advokaten, Gelehrte, Literaten), welche noch ohne Vermögen sind, haben nur ein Streben — sich zu bereichern, und haben sie sich bereichert, nur das — noch reicher zu werden. Hieraus läßt sich ein Schluß ziehn auf die Moralität einer Gesellschaft. Alles ist dort käuflich von der Stimme bis zum Gewissen, man glaubt an nichts Anderes, als an — die Macht des Geldes. Dieser furchtbare Zustand der französischen Gesellschaft begeisterte den energischen Dichter zu seiner ergreifenden Schilderung der Erde ohne Himmel.

Allein noch sind nicht alle Funken edlerer Regung in Frankreich erloschen, unter der Asche harren sie nur des wohlthätigen Hauchs, der bestimmt ist, sie zur hellen und reinen Flamme anzufachen. Das Volk ist noch — ein Kind, aber dies Kind wächst und trägt in sich den Keim edler Mannheit, voll Kraft und Geist. Das Leid hat seinen Verstand aufgeklärt und ihm das Blendwerk der Konstitution im wahren Lichte gezeigt. Schon versagt es den Schwätzern und Gesetzesfabrikanten sein Vertrauen und wird sein Blut nicht mehr für Worte vergießen, deren Sinn es nicht faßt, noch für Menschen, die seinen Werth nur so lange anerkennen, als das Volk ihm die gebratnen Kastanien aus dem Feuer holt. Schon entwickelt sich mit unglaublicher Schnelle Bildung im Volke, schon zählt es seine Poeten, die ihm die Zukunft enthüllen, Männer, die zugleich seine Leiden theilen und weder durch Kleidung noch durch Lebensweise sich von ihm unterschieden. Noch ist das Volk schwach, allein nur in ihm glüht noch das Feuer der Nationalität, der belebende Enthusiasmus der Ueberzeugung, der längst in den verpesteten Schichten der „gebildeten Gesellschaft" erloschen ist. Allein das Volk zählt auch seine wahren Freunde, die ihre Wünsche und Hoffnungen mit den seinigen verschmelzen und freiwillig jedes Antheils an der Beute des Goldes und der Macht sich begeben. Viele derselben, europäischen Rufes sich erfreuend als Koryphäen der Literatur und Wissenschaft, mit allen Mitteln versehen, um in die vordersten Reihen des konstitutionellen Marktes treten zu können, leben und wirken in freiwilliger ehrenhafter Armuth. Solche Stimmen, die sich für das arme getäuschte Volk erheben, gellen freilich in die Ohren der Aktionäre, Käufer, Verkäufer und Entrepreneurs der Staatsverwaltung wie die

НЕМЕЦКАЯ «ГАЗЕТА ДЛЯ ЭЛЕГАНТНОГО МИРА», № 32 ОТ 7 АВГУСТА 1844 г. ЗДЕСЬ, ПОД ЗАГЛАВИЕМ «ЭЖЕН СЮ В РОССИИ», БЫЛ НАПЕЧАТАН ПЕРЕВОД СТАТЬИ БЕЛИНСКОГО О РОМАНЕ ЭЖЕНА СЮ «ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ»

Страницы газеты с введением к переводу и текстом перевода

и мелодраматический, полный эффектов героизм баснословного принца Герольштейнского, а также резкие противоречия в характере его сверхидеальной дочери, ее светлости принцессы Певуньи, бывшей подруги убийц, мошенников и уличных девок, воспитанницы Сычихи и нахлебницы Яги-Бабы, которая внезапно смывает, как будто под рукомойником, всю грязь своей прежней жизни, чтобы явиться после купели княжеского крещения чище голубки и невиннее младенца. Ее появление в эпилоге в качестве «княжны» он называет верхом безвкусия, ограниченности, ложной сентиментальности и скуки; в сравнении с этим эпилогом невыносимо чувствительный роман Бремер „Семейство" кажется шедевром, несмотря на его пошлость. Он отказывает Сю во всех притязаниях на естественность, поэзию, истинный талант, его дарования может хватить самое большее на ничтожное произведение вроде „Полковника Сюрвиля". Напротив, в его более крупных произведениях критик находит только мелодраматическую ходульность, погоню за избитыми эффектами, соединенную с пристрастием к фразе. Остальные лица оказываются не лучше Родольфа и его дочери: госпожа Жермен и ее бесцветный чувствительный сын кажутся ему совершенно лишними, хотя характер последнего должен служить принцу предлогом для проявления бесчисленных донкихотских выходок, которые иначе совсем бы отпали и вместе с ними отпали бы и три четверти романа. Мастака, Сычиху, Полидори и Сесили он считает не моральными чудовищами, а в лучшем случае фантастическими созданиями, полными неестественности и противоречий. Лучшим кажется ему нотариус Ферран; мысль изобразить его как закоснелого злодея, который пользуется в обществе репутацией добродетельного и достойного уважения человека, кажется критику заслуживающей внимания; напротив, он бичует с горькой иронией крайне растянутые и непристойные отношения его с Сесили. Больше всего одобряет он описание семейства Марсиаль, графини Сарры (ее брата Тома он называет чучелом, которое нужно только для того, чтобы составить компанию графине), Волчиху, Пик-Винегра, Риголетту и доктора Гриффона. В целом же он видит только неопытную руку ученика, который присмотрелся к работам мастеров и умеет скопировать отдельную фигуру или жалкую жанровую сцену, но он полностью отказывает ему в самобытном таланте и прежде всего в чувстве соразмерности, в умении создавать из частей единое целое.

Бросив взгляд на натянутое развитие событий, которое развязывается посредством deus ex machina, критик заключает: «Некоторые смотрят на „Парижские тайны"...» ⟨далее следует текст Белинского⟩[29].

Помимо этого в переводе были произведены и другие, более мелкие сокращения. Приводим их перечень с указанием страниц по VIII тому венгеровского издания.

Стр. 468 — от слов «Мы не будем говорить о том...» до слов «истинного, действительного успеха» (снята характеристика беспримерного успеха романа во Франции и «во всех концах земли»).

Стр. 468—469 — от слов «В наше время тот не гений...» до слов «похвал и браней, продающихся с молотка» (выпущено сравнение судьбы гениев в прежние времена и в настоящую эпоху).

Стр. 469 — весь абзац, начинающийся словами: «Кажется вопрос о „Парижских тайнах" решился бы...» (снято объяснение причин, заставивших критика обратиться к разбору романа).

Стр. 470 — от слов «этого господина, на лице которого...» до слов «и законное наследие сироты» (таким образом, резкая характеристика разжиревшего богача, представляющего «развратное, эгоистическое общество», оказалась значительно ослабленной).

Стр. 470 — снята фраза о людях, называющих Сократа «надувалой, мошенником и опасным для нравственности юношества безумцем» (этот на-

мек на высказывания Сенковского в «Библиотеке для чтения», очевидно, не представлял интереса для немецких читателей).

Стр. 472 — снята фраза о «бедном пролетарии», который «должен умереть с семейством, если не прибегнет к преступлению».

Стр. 472—473 — снята фраза «Стоны народа...» до слов «тревожат спекулянтов власти».

Стр. 473 — от слов «Правда некогда он хотел играть роль Байрона...» до слов «и заставить сойти с ходуль» (выпущено все, что относится к раннему байронизму Э. Сю и к его «сатанинским» романам).

Стр. 483 — снята фраза «Теперь пишутся уже „Лондонские тайны“» и т. д. — с презрительной оценкой бесчисленных подражателей роману Сю.

В некоторых случаях фраза Белинского передается переводчиком сокращенно, что ведет к смягчению ее смысла и изменению эмоционального тона. Сравним, например, страстную, негодующую тираду критика с ее переводом:

«В наше время объем гения, таланта, учености, красоты, добродетели, а следовательно и успеха, который в наш век считается выше гения, таланта, учености, красоты и добродетели,— этот объем легко измеряется одною мерою, которая условливает собой и заключает в себе все другие: это — деньги» (стр. 468).

«Der Umfang des Talentes, der Bildung, Schönheit, Tugend wird nach einem Masse gemessen, welcher Alles vereinigt und in sich begreift — es ist das Geld» (стр. 499).

Сокращая эту фразу, переводчик выхолостил существенное в мыслях критика: сарказм по поводу «успеха», который считается выше «гения», и весьма знаменательное указание на «наше время»,— указание, которое существенно уточняет обвинение, брошенное критиком буржуазному порядку. Интонационно-синтаксический строй фразы, великолепно передающий взволнованность критика, совершенно не чувствуется в переводе.

Мы не считаем нужным отмечать здесь другие малозначительные пропуски в переводе отдельных слов и выражений.

Приведенный материал показывает, что сокращения в большинстве своем не имели целью извратить или исказить статью. Выпущенными оказались преимущественно второстепенные детали статьи и частные замечания критика. Все же его основные, принципиальные суждения, как и весь ход развития его мыслей, были сохранены в немецком переводе. Этот перевод давал, таким образом, читателям журнала достаточно полное и точное представление как об эстетических, так и о социально-политических воззрениях русского критика.

Мало того, этот перевод в ряде существенных моментов давал более полное и точное представление об идеях Белинского, чем искаженная цензурой статья в «Отечественных записках», прочитанная русскими читателями.

Сличение немецкого перевода с известным нам русским текстом статьи (рукопись ее, как известно, не сохранилась, и первоисточником является журнальный текст[30]) с полной неопровержимостью показывает, что перевод был сделан не с печатного текста (хотя ссылка на апрельскую книжку «Отечественных записок» и дана была переводчиком), а с первоначальной рукописи или с корректурного оттиска, еще не прошедшего через руки цензора. Возможно, что именно на это обстоятельство намекала редакция «Элегантной газеты» в своем примечании, приведенном выше, когда она отмечала «пикантный интерес», который представляют мнения русского критика о европейских исторических событиях, если они «являются перед нами в неприкрытом виде» («wenn es in unverhüllter Gestalt vor uns erscheinen kann»).

Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, как это произошло. Возможно, что Липперт получил текст для перевода от самого Краевского, с которым он был достаточно тесно связан; тогда остается гадать, намеренно ли предоставил ему Краевский статью в первоначальном виде или это произошло случайно — был взят с редакционного стола первый попавшийся корректурный оттиск. Быть может, самый факт передачи произошел еще до выхода в свет апрельской книги журнала, когда налицо был только один доцензурный ее текст [31]. Не исключена, наконец, возможность, что статья была передана Липперту самим Белинским, всегда болезненно переживавшим цензурную судьбу своих статей: естественно предположить желание критика, чтобы его статья, которой он придавал большое значение, появилась на немецком языке в ее подлинном, не изуродованном цензурой виде. Известное нам по письмам Белинского его пренебрежительное отношение к Липперту не может полностью опровергнуть вероятность нашего предположения (см. «Письма», II, 251, 311, 411, 426).

Во всяком случае несомненно, что обнаруженные нами расхождения между переводом и журнальным текстом статьи восходят к первоначальному тексту самого Белинского. Их нельзя считать вставками и дополнениями, внесенными переводчиком или редакцией «Элегантной газеты». Приведенные выше данные о Липперте и Лаубе полностью убеждают, что оба они не могли быть заинтересованы в усилении революционного смысла статьи, да и, разумеется, были неспособны дать тот сокрушительный анализ противоречий капиталистического строя и проявить ту боевую страсть и непримиримость в бичевании этого строя, которые содержатся в приведенных ниже, не известных до сих пор текстах из статьи о «Парижских тайнах».

5

Обратимся теперь к выяснению того нового материала в статье о «Парижских тайнах», восстановить который нам помогает немецкий перевод.

Прежде всего надо отметить ряд случаев, когда наличие в немецком переводе отдельных слов и выражений, отсутствующих в русском журнальном тексте, помогает нам вернуть мыслям критика, смягченным и ослабленным цензурой, их первоначальный, более резкий и определенный смысл.

Мы намеренно оставляем в стороне те мелкие расхождения между переводом и русским текстом статьи, которые могут быть истолкованы по-разному: либо как вольное отклонение переводчика от подлинника, либо как следы первоначального текста, позднее слегка измененного при печатании статьи самим Белинским. Таково, например, упоминание о повестях Бальзака «с их тридцатилетними женщинами» (в переводе «с их неувядающими тридцатилетними женщинами»); несколько ниже Белинский говорит: «Мы не хотим этим сказать, чтоб теперь ничего хорошего нельзя было найти в сочинениях Бальзака» (в переводе: «в бесчисленных произведениях Бальзака»).

Но за исключением подобных несущественных по своему содержанию и неясных по происхождению разночтений мы можем указать гораздо более выразительные примеры, когда в переводе, несомненно, сохранился первоначальный текст статьи.

В начале статьи Белинский иронически характеризует «эстетическую критику», для которой решающим в оценке писателя является его успех, измеряемый суммой гонорара: «Кроме большой суммы, полученной за „Парижские тайны“, новый журналист, желающий поднять свой журнал, предлагает автору „Парижских тайн“ сто тысяч франков за его новый роман, который еще не написан... Вот это успех! И кто хочет превзойти Эжена Сю в гениальности, тот должен написать роман, за который журналист дал бы двести тысяч франков: тогда всякий, даже

не умеющий читать, но умеющий считать, поймет, что новый романист ровно вдвое гениальнее Эжена Сю... Эстетическая критика, как видите, очень простая: всякий русский подрядчик с бородкою и счетами в руках может быть величайшим критиком нашего времени...» (стр. 469). В переводе назван «russische Lieferant mit rechtgläubigem Barte und dem Zahlbrett in der Hand» (стр. 499). Эта «православная бородка» делает образ, привлеченный для сравнения, более острым и выразительным, придает ему бытовую характерность.

Вслед за тем Белинский отмечает, что основная мысль романа истинна и благородна: «Автор хотел представить развратному, эгоистическому, обоготворившему златого тельца обществу зрелище несчастных, осужденных на невежество и нищету, а невежеством и нищетою — на порок и преступления» (стр. 469—470). Выделенным нами словам соответствуют в переводе более резкие и точные выражения: «закоснелому в эгоизме» («im Egoismus erstarrten») и «низших классов народа» («der unteren Volksklassen»). Кроме того, перевод дает возможность восстановить явный пропуск в смысловом и ритмико-синтаксическом строении заключительной части фразы: «...осужденных властью богатых («durch die Übermacht der Reichen») на нищету и невежество, а нищетою и невежеством на порок и преступления» (стр. 499). Развивая дальше свою мысль, Белинский говорит об «обществе», содрогнувшемся при виде этой картины, об «обществе», обвинившем автора в безнравственности. В переводе в обоих случаях вместо понятия «общество» находим: «богатые люди» (стр. 500).

Далее Белинский рисует образ человека-собственника, господина с толстым чревом, поглотившим в себя столько слез и крови беззащитной невинности. «Он, этот господин с головою осла на туловище быка, чаще всего и с особенным удовольствием говорит о нравственности» (стр. 470). Этот острый, гротескный образ становится более понятным и мотивированным при ссылке на Гранвиля, которая сохранилась в переводе: «dieses Modell für einen Grandville, mit dem Eselkopfe auf dem Rumpfe eines Stiers...» (стр. 500).

До сих пор нам было известно лишь единственное упоминание Белинского о Гранвиле, а именно о его рисунках к «Робинзону Крузо» (VII, 26). Приведенная выше фраза свидетельствует о том, что Белинский хорошо знал и ценил Гранвиля не только как иллюстратора, но и как карикатуриста, автора острых политических шаржей, созданных в эпоху революции 1830 г.

В русском тексте читаем: «К особенной черте характера нашего времени принадлежит то, что за всякую правду, за всякое благородное движение, за всякий честный поступок 〈...〉 вас сейчас назовут безнравственным» (стр. 470). Подчеркнутым нами расплывчатым выражениям в переводе соответствует более энергическое и определенное: «борьба за право и справедливость» («der Kampf für Recht und Wahrheit») (стр. 500).

К выражению «представители повыползли из своих нор» (стр. 471) в немецком тексте дано уточняющее слово: «представители, эти фабриканты законов...» («die Repräsentanten, die Gesetzfabrikanten»). Принадлежность этого острого и выразительного определения Белинскому несомненна. В несколько другом контексте оно дважды употреблено им в этой же статье и в обоих случаях сохранилось в русском тексте («Он [народ] уже не верит говорунам и фабрикантам законов...», стр. 472; «мещане, теперешние фабриканты законов во Франции», стр. 473).

После слов о том, что положение народа после июльских происшествий «значительно ухудшилось против прежнего» (стр. 471), в немецком тексте следует фраза, отсутствующая в русском тексте: «Это была милость

которою он был обязан хартии, за которую он так мужественно боролся» («Dies war der Segen, den es der Charte verdankte, für die es so todesmutig gekämpft hatte», стр. 501).

С болью и гневом пишет Белинский о бедствиях французского народа, которые «выше всякой меры, превосходят самые смелые выдумки фантазии». И вслед за тем он выражает непреклонную веру в неугасимые революционные силы народа, страдающего под пятою капитализма: «Но искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя; но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума» (стр. 472).

Подчеркнутым словам в переводе (стр. 502) соответствуют более определенные выражения, придающие мыслям критика значительно бо̀льшую ясность: «Но еще не все искры благородного возбуждения» («nicht alle Funken edler Regung»). «Народ еще дитя...» («Das Volk ist noch ein Kind»).

В выражении «огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях „образованного общества“» (стр. 472) перевод сохранил характерный эпитет, отражающий гневное презрение критика к «зачумленным слоям „образованного общества“» («den verpesteten Schichten der „gebildeten Gesellschaft“», стр. 502). Вспомним, что в известном письме к Боткину, написанном в декабре 1847 г., оценивая «Письма из Avenue Marigny» Герцена, Белинский говорил, что «на больших капиталистов надо нападать, как на чуму и холеру современной Франции» («Письма», III, 328).

Говоря о цели, достигнутой романом, Белинский пишет: «может быть даже, что вследствие его французские законодатели поторопятся подумать о каких-нибудь способах к улучшению участи несчастных бедняков...» (стр. 483). Немецкий текст говорит о «медлительных законодателях» («die säumigen Gesetzgeber») и уточняет определение несчастных бедняков — «этих безвинных галерных рабов общества» («diesen schuldlosen Galeerensklaven der Gesellschaft», стр. 505).

Выражению «неизбежных жертв» (стр. 485) соответствует в переводе «достойных сожаления жертв» («die beklagenswerthen Opfer», стр. 506).

Помимо перечисленных деталей немецкий перевод дает возможность восстановить и более значительные части статьи, исчезнувшие по воле цензуры в журнальном ее тексте.

В самом начале статьи Белинский рисует эволюцию Э. Сю, который когда-то принадлежал к «сатанинской школе», а теперь «принялся за мораль, потому что разбогател...» (стр. 469). Не отмечено ли сознательно этим многоточием в печатном тексте «Отечественных записок» место цензурной купюры, которую мы теперь можем восстановить по переводу, где этот, полный скрытого сарказма, текст читается так: «Тогда он был еще не богат; с тех пор он разбогател и теперь избрал своей темой мораль. Потому что в настоящее время богатство оказывает сильнейшее воздействие на облагораживание человеческого рода и улучшение нравов, так что так называемые „беспокойные“ головы находятся только в низших слоях общества, в то время как добродетель и вера растут в денежных мешках и вместе с ними, подобно устрице в ее раковине»*.

---

* «... er war damals noch unbemittelt, er ist seitdem reich geworden und hat jetzt die Moral zum Thema gewählt. Denn der Reichthum hat gegenwärtig die stärkste Einwirkung auf die Veredlung des Menschengeschlechts und die Verbesserung der Sitten, dergestalt, dass die sogenannten «unruhigen» Köpfe nur in den untern Regionen der Gesellschaft gefunden werden, während Tugend und Glaube in und mit den Geldsäcken wächst, wie die Auster in der Schaale» (стр. 499).

Характеристика политического положения во Франции после июльской революции, когда «представители, эти фабриканты законов ⟨...⟩ по трупам ловко дошли до власти», рассуждая при этом о «нравственности», дополняется в переводе следующим многозначительным сравнением: «у доброго честного короля была как бы во сне „украдена корона", как говорит Гамлет: человек, который тогда находил, что ему вполне подойдет корона его благодетеля и родственника, теперь так же красноречиво рассуждает о добродетели и морали»*.

Это сравнение торжествующей буржуазии с преступным королем-убийцей из шекспировской трагедии очень резко подчеркивает революционно-демократическую точку зрения великого критика.

Еще более значителен другой пример. В журнальном тексте критическая оценка июльской революции заканчивается словами: «Бедствия народа в Париже выше всякой меры, превосходят самые смелые выдумки фантазии» (стр. 472). В немецком переводе этой фразой (и ей предшествующей) начинается новый абзац, продолжение которого полно глубокого значения:

«Рассмотрим теперь другую сторону картины: человек-собственник одержим злым гением стяжательства. Вся его жизнь — это непрерывная азартная игра, постоянный крик va banque! Ажиотаж, оппозиция в палате, подкуп избирателей, покровительство эфемерной власти, от которой зависит раздача выгодных должностей — все это зеленый стол, на который он ставит свой капитал. Неутолимая жажда собственности, ненасытный волчий голод по золоту составляет единственный пафос в жизни богачей, которые всегда хотят стать еще богаче; так называемые «таланты» (адвокаты, ученые, литераторы), у которых еще нет капитала, стремятся только к одному — обогатиться, а если они уже богаты — стать еще богаче. Отсюда можно сделать заключение о нравственном уровне общества. Там все продажно, от голоса до совести, там нет никакой другой веры кроме веры во власть денег. Это ужасающее состояние французского общества воодушевило энергического поэта на его потрясающее описание земли без небес»**.

В этом замечательном тексте мы действительно ощущаем благородный пафос негодования, который сохраняется даже при обратном переводе с немецкого. Мы слышим гневный голос великого революционно-демократического мыслителя, сурово и беспощадно осудившего буржуазный строй, в котором все подчинено власти чистогана, где в господствующем классе безраздельно царит дух продажности и стяжательства. Эта негодующая тирада, в значительной степени дополняющая наши представления о социологических воззрениях Белинского, свидетельствует об

* «Dem guten, ehrlichen König ward, wie im Schlaf, die Krone „vom Gesims gestohlen" wie Hamlet sagt: ein Mann, der da fand, dass ihm die Krone seines Wohltäters und Verwandten wohl anstände, spricht jetzt ebenfalls schönrednerisch von Tugend und Moral» (стр. 500—501)[32].

** «Betrachten wir jetzt eine andre Seite des Bildes: der Mann des Besitzes ist vom bösen Geiste der Gewinnsucht besessen. Sein Leben ist ein ununterbrochnes Hazardspiel, der fortwährende Ruf: va banque! Die Agiotage, die Opposition der Kammer, die Bestechung der Wähler, das Patronat der ephemeren Macht, von der die Vergebung einträglicher Aemter abhängt,— dies ist der grüne Tisch, wo er sein Vermögen einsetzt. Ein nicht zu stillender Durst nach Besitz, ein unersättlicher Wolfshunger nach Gold machen das einzige Pathos im Leben der Reichen aus, die immer reicher werden wollen, die sogenannten Kapazitäten (Advokaten, Gelehrte, Literaten), welche noch ohne Vermögen sind, haben nur ein Streben — sich zu bereichern, und haben sie sich bereichert, nur das — noch reicher zu werden. Hieraus lässt sich ein Schluss ziehen auf die Moralität einer Gesellschaft. Alles ist dort käuflich von der Stimme bis zum Gewissen, man glaubt an nichts Anderes, als an—die Macht des Geldes. Dieser furchtbare Zustand der französischen Gesellschaft begeisterte den energischen Dichter zu seiner ergreifenden Schilderung der Erde ohne Himmel» (стр. 502).

исключительной прозорливости его мысли, о революционной непримиримости его к господству капиталистического хищничества.

Последние слова из приведенной цитаты требуют дополнительного комментария. Кто этот «энергический поэт», которого вспомнил Белинский? У кого из французских поэтов дано «потрясающее описание земли без небес»? Это — Огюст Барбье с его гневно-обличительными «Ямбами», написанными под непосредственным впечатлением событий июльской революции 1830 г.

В заключающем «Ямбы» цикле из трех сатир, озаглавленном «Desperatio» («Безнадежность»), во второй из них мы находим образ, поразивший Белинского и надолго запомнившийся ему:

Plus de Dieu, rien au ciel! ah! malheur et misère!
Sans les cieux maintenant qu'est-ce donc que la terre? —
La terre! — Ce n'est plus qu'un triste et mauvais lieu,
Un tripot dégoûtant où l'or a tué Dieu,
Où, mourant d'un faim qui n'est point assovie,
L'homme a jauni sa face et décharné sa vie,
Où, vidant là son coeur, liberté, ciel, amour,
L'infâme a tout joué, tout perdu sans retour...
. . . . . .
Toute la cupidité le travaille et le mange,
Tout l'or, ce Dieu de boue, emplit son coeur de fange,
Tout le souffle de l'or sur son front abattu,
Avant le premier poil fait tomber la vertu! *[33]

Среди известных нам немногих кратких упоминаний Белинского о Барбье укажем одно, в статье «Разделение поэзии на роды и виды», где после оценки Беранже как единственного великого лирика во французской поэзии он пишет: «После его песен, достойны замечания проникнутые духом пластической древности элегии Андрея Шенье и ямбы энергического Барбье» (VI, 104). Примечательно это совпадение эпитета «энергический», которое свидетельствует о прочном, устойчивом восприятии русским критиком «Ямбов» Барбье. Более выразительная и конкретная оценка этого поэта в нашем тексте, по сравнению с ранее известными, придает ему существенное значение, которое, несомненно, оценят исследователи французской поэзии XIX в.[34]

Последний текст связан с характеристикой Диккенса, которого Белинский называет «человеком с огромным поэтическим талантом», противопоставляя его «бездарному» Э. Сю. Но, признавая достоинства Диккенса как художника, Белинский ясно видит и ограниченность его мировоззрения. «Как истинный англичанин, Диккенс исполнен сухого, фарисейского морализма нации, привыкшей подчинять справедливость политике, а нравственность — общественным выгодам. Как истинный художник, Диккенс верно изображает злодеев и извергов жертвами дурного общественного устройства, но как истинный англичанин, он никогда в этом не сознается даже самому себе» (стр. 484).

В журнальном тексте характеристика Диккенса на этом обрывается. В переводе находим продолжение, содержащее еще более решительное осуждение буржуазного лицемерия, свойственного английскому писателю.

---

* «Нет больше бога, пусты небеса! О! горе и бедствие! Что же теперь земля, лишенная небес? Земля! Теперь это только печальное и гнусное место; мерзкий притон, где золото убило бога; где, умирая от неутолимого голода, человек пожелтел и исчах, где, изгнав из сердца своего свободу, небо, любовь, нечестивец все бросил в игру и все безвозвратно потерял... Алчность терзает и гложет его, жажда золота — этого бога грязи — заливает его сердце тиной, и дыхание золота лишает его добродетели еще до того, как первый пушок успеет покрыть удрученное его лицо».

«В его глазах преступник — это враг гражданского порядка и спокойствия, и он с радостным рвением фанатика, который любуется муками инакомыслящего, посылает его через тюрьму и звон кандалов на эшафот. Он не хочет считаться с тем, что преступник такой же человек, как и другие, что многие люди не стали преступниками только потому, что у них не было повода к этому и что многих, одаренных от природы благородными порывами разума и сердца, толкнуло на преступление отчаяние, а на отчаяние — нужда, голод и все муки лишений»*.

6

Приведенный нами материал представляет значительный интерес для изучения истории цензурных притеснений, которым подвергались обычно статьи Белинского. Жалобы на то, что его статьи выходили из цензуры «ошельмованными», «страшно изуродованными», нередко встречаются в письмах Белинского (см. «Письма», III, 165, 185, 287, 297, 298—299). Но только в тех немногих случаях, когда до нас дошли рукописи этих «изуродованных» статей или когда подлинный текст статей был напечатан по утраченным позднее рукописям в Солдатенковском издании сочинений Белинского, мы имеем возможность судить о характере цензурных сокращений и о том, какие жестокие операции совершали цензоры над страстно-негодующими статьями основоположника русской революционно-демократической критики. К этим немногим статьям, цензурная история которых нам известна («Гамлет», «О жизни и сочинениях Кольцова», «Ответ Москвитянину», обзоры за 1846 и 1847 гг. и др.), теперь прибавляется еще одна, и притом такая значительная, как «Парижские тайны».

Сохраненный в немецком переводе доцензурный текст статьи, более ста лет остававшийся неизвестным, позволяет установить, что цензура проводила в отношении этой статьи совершенно определенную линию. Пропуская все самые резкие тирады критика по адресу торжествующей французской буржуазии, самые резкие и прямые оценки положения французского народа, обманутого и ограбленного торгашами и собственниками, цензура последовательно вычеркивала все те высказывания критика, в которых он от характеристики конкретного положения во Франции после июльской революции переходил к широким социологическим обобщениям. Именно эти полные благородного негодования обвинения по адресу собственнического мира, обвинения, которые могли быть легко переадресованы и поняты читателями применительно к русской действительности, дававшей не менее резкие примеры цинизма «богатых» и страданий «несчастных бедняков», были изъяты по воле царской цензуры.

Независимо от того, будут ли опубликованные нами материалы введены при последующих публикациях в основной текст статьи о «Парижских тайнах» (а нам это представляется единственно правильным) или же они будут использованы в комментариях к этой статье, ясно одно: в этих новых текстах содержится такое глубокое и беспощадно суровое осуждение Белинским буржуазного порядка с его безграничной властью денег, с его отвратительным бесстыдством и всеобщей продажностью, которое до сих

* «In seinen Augen ist der Verbrecher ein Feind der bürgerlichen Ordnung und Ruhe, und er führt ihn mit dem freudigen Eifer des Fanatikers, welcher seine Blicke an den Qualen des Andersdenkenden weidet, zum Chaffot durch Kerker und Kettengeklirr. Er will gar nichts davon wissen, dass der Verbrecher ebenso gut ein Mensch ist wie andre Leute, dass viele Menschen blos deshalb keine Verbrecher sind, weil ihnen die Gelegenheit fehlte es zu werden, und dass Viele wiederum, mit den edelsten Anlagen des Geistes und Herzens von der Natur ausgestattet, durch Verzweiflung zum Verbrechen getrieben werden, sowie durch Armuth, Hunger und alle Folterqualen der Entbehrung zur Verzweiflung» (стр. 506).

пор было нам известно только по его письмам к ближайшим друзьям (см., например, письмо к В. П. Боткину, написанное в декабре 1847 г.). Мимо этих новых текстов Белинского не сможет теперь пройти ни один читатель или исследователь, изучающий социально-политические воззрения гениального русского критика.

7

Материалы, положенные в основу настоящей статьи, являются результатом только первоначальных разысканий в области интересующей нас проблемы — Белинский на страницах немецкой печати середины прошлого столетия. Обследованные нами источники ограничены были лишь двумя периодическими изданиями за 1842—44 гг. Можно не сомневаться, что дальнейшие поиски помогут обнаружить еще новые данные для изучения путей распространения идей Белинского за границей для понимания тех оценок деятельности великого критика, которые предлагались зарубежному читателю того времени.

Поиски эти потребуют, несомненно, длительного времени и преодоления значительных трудностей при добывании редких изданий, не всегда наличествующих даже в крупнейших наших книгохранилищах. Имея в виду необходимость предварительного накопления фактов, мы публикуем здесь дополнительно крайне интересную характеристику Белинского, хотя по своему содержанию материал этот и не связан непосредственно со статьей о «Парижских тайнах».

В 1857 г. известная лейпцигская книгоиздательская фирма Ф.-А. Брокгауз начала выпускать серию дополнительных томов к законченному незадолго до того 10-му изданию энциклопедического словаря (Conversations-Lexicon). В первом из этих дополнительных томов, выходивших под названием «Наше время. Ежегодник энциклопедического словаря» («Unsere Zeit. Jahrbuch zum Conversations-Lexicon»), в разделе «Мелкие статьи», была напечатана нижеследующая статья о Белинском:

«Белинский (Виссарион Григорьевич), русский критик, род. в 1812 г., получил образование в Московском университете, где его товарищами были Герцен и Станкевич. Наибольшее влияние на его развитие (Bildung) оказал Надеждин, познакомивший его с Шеллингом, от учения которого он, однако, вскоре отказался, чтобы предаться изучению Гегеля и его последователей. В 1834—1836 гг. он принял деятельное участие в „Московском телескопе“, а с 1838 г., вместе со Станкевичем, Грановским и др., издавал собственный журнал под названием „Московский наблюдатель“, который, однако, уже в следующем году из-за недостатка денежных средств (aus Mangel an pecuniären Mitteln) должен был прекратить свое существование. В 1840 г. Б. переселился в Петербург, где он взял на себя критический отдел во вновь основанных „Отечественных записках“, которые под его руководством (unter seinen Auspicien) стали самым читаемым журналом в России. Несмотря на строгую цензуру, Б., действуя со столь же большой смелостью, как и искусством, способствовал распространению либеральных идей в своем отечестве; он избрал своим предметом (zum Thema nahm) сатирические произведения Гоголя и его школы, чтобы повести ожесточенную борьбу (einen unerbittlichen Krieg) против социального зла, источник которого он указывал скрытым, но все же достаточно понятным для публики образом в деспотической форме правления и в отсутствии гуманных воззрений у правительства и среди народа. На страницах „Отечественных записок“ появились впервые романы Герцена и Достоевского; обнаженным изображением состояния русского общества они возбудили исключительный интерес и послужили практическим комментарием к теоретическим рассуждениям (den theoretischen Expositionen) Б-го. С 1847 г.

Б. продолжал свою деятельность в том же направлении в „Современнике", пока события 1848 г. не обратили внимания правительства на тенденции учения, проповедуемого у него на глазах, и не побудили его принять более строгие меры против печати. Еще в начале этого кризиса, дальнейшее развитие которого привело его единомышленников к тюрьме и изгнанию, Б. умер в Петербурге 26 мая (7 июня) 1848 г. Жизненный путь этого гениального человека, который сочетал обширные знания и редкое мастерство стиля с пламенным стремлением к свободе и справедливости, представляет собой один из привлекательнейших эпизодов в истории русской литературы; однако в России он сможет быть описан только при условии полной свободы печати. Кроме многочисленных статей в названных журналах, Б. опубликовал еще жизнеописание поэта Кольцова (1844) и очерк литературной деятельности Полевого (1846)»[35].

В предыдущем 9-м издании энциклопедического словаря Брокгауза ни в основных томах, ни в дополнениях, выходивших с 1848 по 1856 г.[36], имя Белинского не встречается. Таким образом, приведенную выше статью можно с уверенностью считать первым упоминанием о Белинском на страницах широко распространенного справочника, каким был брокгаузовский словарь.

Но и помимо этого обстоятельства статья представляет для нас существенный интерес по содержанию: относительной точностью излагаемых в ней фактов[37] и, самое главное, точным определением огромного значения Белинского для русской литературы и подчеркиванием противоправительственного, освободительного характера его идей.

Необычность статьи, явно выпадающей из общего тона словаря, становится особенно ясной при сравнении с новой ее редакцией, напечатанной несколькими годами позднее в 11-м издании энциклопедии Брокгауза[38]. Мы уже не находим здесь указания на строгую цензуру, в условиях которой Белинскому приходилось бороться с социальным злом; здесь отсутствует мысль о преимущественном внимании критика к сатирическим произведениям Гоголя и его школы. Вся заключительная часть статьи оказалась снятой, а вместо нее давалась новая, пристрастная и односторонняя оценка Белинского: «Как русский стилист, Б. был превзойден только Герценом; как критик он не всегда был справедлив в своих приговорах, потому что он слишком руководствовался субъективными настроениями и антипатиями, и вообще всегда подчинял литературные цели политическим».

Вопрос о том, кто мог быть автором статьи, позднее так радикально измененной редакцией словаря, в настоящее время не может быть разрешен. Но мы считаем возможным высказать предположение, что автором (или непосредственным вдохновителем) ее мог быть только русский литератор, хорошо осведомленный в русской литературной жизни и, несомненно, принадлежавший к числу убежденных последователей Белинского.

При той напряженности, которой достигла к середине 1850-х годов политическая и литературно-журнальная борьба в России, в условиях той ревизии идей Белинского, которую производили критики либерального лагеря, выступить с безоговорочным утверждением авторитета Белинского, как «гениального человека», мог только писатель, воспитанный на идеях Белинского.

Неизвестный автор статьи поставил поэтому в тесную связь учение Белинского с практикой писателей гоголевской школы, из числа которых он с большим политическим тактом назвал только двоих, и именно тех, кому это упоминание рядом с Белинским не могло принести никаких последствий: один из них находился в ссылке, другой давно стал политическим изгнанником.

Характерно здесь и дважды повторенное указание на близость Белинского к Станкевичу, и упоминание в одном ряду Станкевича и Грановского. Вряд ли мы ошибемся, если будем искать автора статьи среди друзей и единомышленников этих русских деятелей, среди тех людей, для которых и в половине 1850-х годов эти имена сохраняли свое значение.

Не исключена возможность, что статья была непосредственно написана одним из немецких критиков на основе информации, полученной им из русского источника. Таким критиком мог быть, скорее всего, Фарнгаген фон-Энзе, высоко ценивший, как мы уже видели, Белинского, хорошо ориентированный в области русской литературы и обладавший личными связями с целым рядом русских писателей. Это тем более вероятно, что Фарнгаген фон-Энзе был долгие годы связан с издательством Брокгауза, печатавшим его книги, и постоянно сотрудничал в энциклопедическом словаре Брокгауза, о чем сообщается в биографии основателя фирмы, написанной его сыном и преемником[39]. Если наше предположение справедливо, тогда понятным становится, почему текст статьи для нового издания словаря, вышедшего в свет уже после смерти Фарнгагена фон-Энзе (умер в 1858 г.), был подвергнут радикальной переработке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 16, стр. 293. Статья «Л. Н. Толстой».

[2] А. Лаврецкий. О мировом значении критики Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, М., 1948, стр. 17.

[3] «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland». Herausgegeben von A. Erman, 1841, Berlin, Erstes Heft, стр. 231—238. Журнал этот был основан по инициативе министра финансов Канкрина и должен был служить для ознакомления немецкого общества с экономическим состоянием России, с развитием русской науки и культуры.

[4] «Архив для научного изучения России», 1841, т. I, стр. 236.

[5] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, Т. III, Пг., 1919, стр. 351. В дневнике Герцена за 1844 г. находим еще два упоминания о статьях, напечатанных в «Allgemeine Zeitung», которую он, очевидно, регулярно читал в это время (см. записи от 18 января и 17 июля,— там же, стр. 302 и 338).

[6] См. комментарий к статье «Парижские тайны» в трехтомном собрании сочинений Белинского (т. II, М., 1948, стр. 908).

[7] Текст корреспонденции в «Allgemeine Zeitung» был впервые обнаружен С. А. Макашиным, которому автор выражает благодарность за это указание, так же как и за ряд других, использованных в настоящей статье.

[8] В тексте «Всеобщей газеты», как и в «Газете для элегантного мира», откуда была заимствована настоящая заметка, имя критика было напечатано с искажением — Pojelinski вместо Bielinski (ошибка, легко объяснимая смешением при наборе рукописного начертания буквы «В» с буквами «Ро»).

[9] Количество подписчиков «Всеобщей газеты» в середине 1840-х годов достигало 9—11 тыс. См. L. Salomon. Geschichte des deutschen Zeitungswesen, Leipzig, 1906, т. III, стр. 461 и 622.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, М.— Л., 1928, стр. 220. Подчеркнуто Марксом. См. также статью Маркса «Полемическая тактика Аугсбургской газеты» (там же, стр. 261—264).

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIX, М.— Л., 1946, стр. 431. Подчеркнуто Марксом.

[12] Статья «Der neueste keiserlich-russische Ukas über die Freilassung der leibeigenen Hofdiener vom Julius 1844» — «Allgemeine Zeitung», 1844, № 266 и 267 от 22 и 23 сентября. Автор дает в своей статье содержательный исторический очерк происхождения крепостного права в России и подробно анализирует современное ему положение крепостных крестьян и дворовых, обнаруживая при этом хорошее знание русской жизни.

Незадолго до «Всеобщей газеты» и независимо от нее эту же статью опубликовала лейпцигская «Немецкая всеобщая газета». Авторство Александра Гумбольдта было раскрыто во франкфуртской газете «Journal de Francfort», 1844, № 333 от 2 декабря

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, М.— Л., 1929, стр. 34—35.

[14] «Zeitung für die elegante Welt», 1844, № 32 от 7 августа, стр. 497. В дальнейшем при ссылках на эту статью указываются только страницы.

[15] Интересно вспомнить ту характеристику «Юной Германии», которую давал на страницах «Отечественных записок» в 1840 г. Я. Неверов в обзоре «Германская литература в последнее десятилетие»: «„Юная Германия" есть не что иное, как представительница переворота, совершающегося в нашу эпоху, переворота, состоящего в уничтожении литературно-эстетической отдельности и сближении литературы с жизнию, но представительница заносчивая, крикливая, уклоняющаяся от своей цели и с прямой дороги сбивающаяся в кривые закоулки, в которых она часто сама падает в грязь и нечистоту».

Характеризуя наиболее видных участников этой литературной партии, Неверов посвящает несколько строк и Г. Лаубе, высказывая здесь весьма скептическое мнение о писателе, пользовавшемся у себя на родине шумным успехом: «Генрих Лаубе принадлежит к самым дерзким, поверхностным, пустым, но вместе с тем приятнейшим рассказчикам. Он никогда не занимался серьезно наукой, и, будучи чужд ее интересам, посвятил себя исключительно литературной болтливости ⟨...⟩ В своих критиках и характеристиках он всегда схватывает только внешнюю сторону ⟨...⟩ Но для важного, высокого и истинно изящного у него просто нет чувства...» («Отеч. записки», 1840, т. X, № 5; «Наука и художества», стр. 44 и 47—48).

Это суждение Неверова было не единственным упоминанием «Отечественных записок» о Лаубе. В 1839 г. в статье «Германская литература», написанной берлинским литератором Булем и присланной в редакцию журнала Фарнгагеном фон-Энзе, читаем сообщение о Лаубе: «Лаубе, находящийся теперь в Париже, употребил время своего заточения в Мускау для обработывания истории немецкой литературы, от которой нельзя ожидать ничего глубокого; но во всяком случае это будет труд приятный и остроумный» («Отеч. записки», 1839, т. V, № 8; «Современная библиографическая хроника», стр. 100).

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, М.— Л., 1930, стр. 25.

[17] Ф. Энгельс. Александр Юнг и «Молодая Германия».— Сочинения, т. II, М.— Л., 1929, стр. 252.

[18] L. Salomon. Geschichte des deutschen Zeitungswesens, Leipzig, 1906, т. III, стр. 525. В книге Саломона (тт. II и III) собран обильный фактический материал по истории «Газеты для элегантного мира».

[19] Ф. Энгельс. Письмо к А. Бебелю от 16 декабря 1879 г.— Сочинения, т. XXVII, М.— Л., 1935, стр. 76.

[20] «Отеч. записки», 1841, т. XVI, № 5, «Иностранная литература», стр. 18; статья М. Каткова «Германская литература».

[21] «Отеч. записки», 1841, т. XV, № 4. Смесь. «Разные известия», стр. 122—124.

[22] «Zeitung für die elegante Welt», 1842, № 169. Некоторые сведения о Р. Липперте см. в статье В. Мануйлова «Лермонтов и Краевский» («Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 375 и 387). Два письма Липперта к Краевскому (1843 и 1855 гг.) хранятся в архиве Краевского в рукописном отделе Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. См. также в наст. томе, стр. 153.

[23] «Отеч. записки», 1842, т. XX, № 1; «Иностранная литература», стр. 24.

[24] *Отчет имп. публичной библиотеки за 1889 год. Приложение, стр. 55.*

[25] Герцен. Полн. собр. соч., т. II, стр. 433. Письмо Н. Х. Кетчеру, от 26 мая 1841 г.

[26] Там же, т. VIII, стр. 548. Письмо А. А. Краевскому от 5 июля 1857 г.

[27] «Zeitung für die elegante Welt», 1844, № 32, стр. 497—498.

[28] Характеристика Белинского дана в газете на стр. 498.

[29] См. стр. 478—483 венгеровского издания и стр. 504 немецкого перевода.

[30] «Отеч. записки», 1844, т. XXXIII, № 4, отд. 5, стр. 21—36. Ценз. разр. около 31 марта 1844 г.

[31] Правда, при этих предположениях приходится иметь в виду, что между моментом получения статьи Липпертом и окончанием ее перевода прошло около четырех месяцев — срок, слишком большой для работы, которая была связана с острым злободневным интересом к роману Э. Сю. Хотя не исключена возможность, что перевод, уже доставленный в редакцию «Элегантной газеты», мог там пролежать некоторое время, дожидаясь включения в один из очередных номеров.

[32] Выделенный текст дан разрядкой в немецком переводе. Кому принадлежит это подчеркивание — переводчику или автору статьи, остается неизвестным. В выражении «vom Gesims gestohlen» (буквально: украдена с карниза, с выступа) мы оставляем без перевода слово «Gesims», которого не могло быть в оригинале статьи: это слово, отсутствующее как в английском тексте, так и в известных Белинскому переводах «Гамлета» Н. Полевого и М. Вронченко, было заимствовано переводчиком из немецкого перевода А. В. Шлегеля.

[33] Цитируем по изданию: «Les Feuilles d'automne, par Victor Hugo, suivi de plusieurs pièces nouvelles, et des Jambes, par Auguste Barbier», Bruxelles — Leipzig, 1832, стр. 209.

[34] Любопытно, что Герцен, перед которым в 1847 г. раскрылась вся гнусность и подлость буржуазной Франции, также писал о «Париже, описанном в „Ямбах"

Барбье, в романе Сю» (см. «Письма из Франции и Италии». — Полн. собр. соч. и писем, т., VI, Пг. 1919, стр. 65.

[35] «Unsere Zeit. Jahrbuch zum Conversations-Lexicon», Band I, Leipzig, F.-A. Brockhaus, 1857, стр. 665—666. Указание на эту статью было любезно сообщено редакции «Лит. наследства» М. П. Алексеевым, которому автор выражает свою искреннюю благодарность.

[36] Die Gegenwart. Eine Encyklopädische Darstellung der neuesten Zeitgeschichte für alle Stände, 12 томов, Лейпциг, 1848—1856.

[37] К числу отдельных неточностей относятся: ошибочные даты рождения Белинского, переезда его в Петербург и выхода в свет жизнеописания Кольцова; ошибочно также наименование журнала Надеждина «Московским телескопом».

[38] «Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie für die gebildeten Stände, Conversations-Lexicon». 11-е переработанное, улучшенное и расширенное издание в 15 томах. См. т. III, 1864, стр. 302—303.

[39] См. H.- E. Brockhaus «Friedrich-Arnold Brockhaus», т. II, Лейпциг, 1878, стр. 212. Имя Фарнгагена фон-Энзе указано также в списке сотрудников Энциклопедического словаря Брокгауза, помещенном в т. XV одиннадцатого его издания. Там же в числе сотрудников назван д-р Иоганн-Петер Иордан из Праги. Это дает возможность предположить также авторство Иордана в отношении цитированной нами статьи о Белинском (о связи Иордана с «Отеч. записками» и о его интересе к Белинскому см. выше статью М. П. Алексеева).